

ДЕКОНСТРУИРОВАТЬ КОНСТРУКТИВИЗМ, ЧТОБЫ ПОНЯТЬ РОССИЮ

Ключевые слова: Россия, Франция, примордиализм, конструктивизм, национализм, идентичность, этничность, глобализация, элиты, популизм, индивидуализм

В статье анализируются причины непонимания французскими и, шире, западными исследователями места этничности в системе общественных и научных представлений России и постсоветских государств. Это непонимание объясняется как причинами исторического характера, так и происходящей в последние годы переоценкой ценностей. Национальные элиты пытаются “ухватиться” за то, что отличает их от других. Во Франции новой идеологией становятся Права человека, в России — имперски окрашенный патриотизм. В то же время перед лицом острой необходимости общего понимания истоков и сути межобщинных и геополитических конфликтов следует попытаться разобраться в причинах различия в подходах к инаковости в рамках примордиалистской и конструктивистской парадигм в Восточной и Западной Европе соответственно.

Кто я? Всегда ли я один и тот же человек, и что делает меня частью группы? На кого я похож в Фейсбуке, и кто мои друзья в Инстаграме? Все сегодня буквально разрываются между потребностью быть частью “мы” (будь то пара или группа) — и стремлением освободиться, сотворить себя (воспитать свое “я” или хотя бы запечатлеть его на селфи), между надеждой на постоянство — и непреодолимым желанием изменений. Глобализация ставит перед индивидами новые экзистенциальные вопросы, одновременно ограничивая возможность обществ предложить на них ответы. Моя идентичность столь же изменчива, как и мой профиль в социальных сетях. Каким может быть мое “Я” в мире, разорванном на части, лишенном центра, стоящем на зыбком фундаменте? Какой я француз в этом многополярном мире, часть которого враждебна плодам Просвещения? Чего не может понять Национальный фронт, выступая против миграции, против евроинтеграции, против утраты национальной идентичности — это того, что настоящая проблема состоит именно во взаимодействии глобального и национального. Альтернатива: закрыться в идеализированной коллективной идентичности или радостно принять философию и образ жизни космополита — соответствует новому социологическому разделению на народ и элиту. Движение “желтых жилетов” и рост популизма в Европе (в последнее время — в Германии и Великобритании) выражают гнев “народа” перед лицом последствий глобализации. Люди на Западе, прежде уверенные в превосходстве их цивилизации, сейчас чувствуют себя в полной изоляции.

Ксавье Ле Торривеллек | <https://orcid.org/0000-0002-7010-744X> | xavier.le-torrivellec@diplomatie.gouv.fr | атташе по сотрудничеству в области среднего и высшего образования | Посольство Франции в Республике Беларусь (Пл. Свободы 11, Минск, 220030, Беларусь)

Со своей стороны, постсоветская Россия после мучительного усвоения в 1990-х неолиберальной модели англосаксонского образца сегодня кажется маяком для нелиберальных демократий (*Le Torrivellec* 2017). Возрождая национальные рамки, многие страны закрывают или восстанавливают свои границы (примеры – мировой миграционный кризис или брексит). Присоединяя Крым, Владимир Путин также действовал во имя национального единства, ради которого он готов идти до конца. Это сделало его козлом отпущения для европейских элит, которые пытаются уверить себя в том, что национальные государства не нужны. В то же время внутри самих национальных государств общественное согласие рушится под натиском индивидуальных прав и частных идентичностей, носителями которых становятся требовательные и взыскательные гиперсвязанные индивиды.

В этом контексте переоценки ценностей национальные элиты пытаются “ухватиться” за то, что отличает их от других. Во Франции новой идеологией становятся Права человека, в России – имперски окрашенный патриотизм. Французы обвиняют русских в расизме, русские же, в свою очередь, заявляют, что во Франции не осталось французов. Когда россиянин, вне зависимости от его этнической принадлежности, смотрит на игру французской футбольной сборной, он не может избавиться от мысли, что в ней нет “настоящих”, “коренных” французов. Его реакция инстинктивна, и было бы ошибкой считать его “жертвой путинской пропаганды”. То, что российские СМИ представляли беспорядки во французских пригородах осенью 2005 г. как “бунт африканцев”, объясняется глубоко укоренившимися примордиалистскими представлениями об идентичности. Применительно к этничности примордиализм заключается в уверенности в существовании этнических групп, отдельных друг от друга и определяемых по языку и культуре. Эти представления можно также назвать эссенциалистскими, основанными на идее о том, что сущности не зависят от их общественного признания. Для россиянина идентичность человека определяется прежде всего этническим происхождением, поэтому ему трудно представить себе, что темнокожий может быть французом; его индивидуальное восприятие базируется на коллективных представлениях, складывавшихся веками, что следует принимать во внимание. Однако этого почти никогда не происходит. Мало кто из сторонних наблюдателей пытается понять, что думают россияне. Гораздо проще обвинить их в том, что они – расисты и гомофобы, а значит – враждебны демократии и довольны своим диктатором. Так создается представление о России как о стране реакционной и враждебной. В такой ситуации нет необходимости в более глубоком анализе, поскольку все легко объясняется с позиции Прав человека.

Подобный подход свидетельствует о непонимании, более того: о пренебрежении к Другому, которое может иметь катастрофические последствия. На наш взгляд, отказ принимать всерьез российскую картину мира стал одной из основных причин войны на Украине. Фатальное непонимание явилось результатом намеренной слепоты мировых лидеров, в то время как дипломаты, ведущие переговоры на месте, были более реалистичны. Вынужденные поддерживать диалог и действовать, они не могут удовлетвориться взаимными обвинениями и в большинстве своем пытаются “переводить непереводимое”¹. В постоянно усложняющемся мире их главной задачей становится правильная диагностика проблем, а для этого нужен непредвзятый и неполитизированный анализ. Почему ученые так мало занимаются этим? Почему не заботятся о том, чтобы результаты их исследований вышли за стены кабинетов?

Будучи специалистом по российской истории, хотел бы особенно подчеркнуть ответственность исследователей, которые должны помогать обществу осмысливать окружающий мир. Перед лицом острой необходимости общего понимания ситуации следует попытаться разобраться в причинах различия в подходах к инаковости в рамках примордиалистской и конструктивистской парадигм в Восточной и Западной Европе соответственно. Не вдаваясь в детали академических споров, попробуем

выявить истоки противоречий и их проявления. Наша рабочая гипотеза состоит в том, что в каждой стране есть система кодов, которые структурируют дебаты об идентичности (*Radvanyi, Laruelle* 2016: 32). Эти коды объясняются ходом истории, в том числе истории идей, и современными проблемами, о чем мы уже писали в одной из предшествующих публикаций (*Le Torrivellec* 2012: 159–182).

Примордиализм и империи

В традиционных обществах легитимация социального носит гетерономный характер, т.е. приходит свыше, а потому вопрос об идентичности просто не возникает. Коллективные членства основаны на объективных связях, которые человек не выбирает. У каждого есть свое место, свой угол. Каждому известно, как следует себя вести, какого брачного партнера выбирать, какой коллективной морали следовать. До XVIII в. жители Бретани не задумывались о том, что они бретонцы, они говорили на своем диалекте и не понимали обитателей юга Франции.

С наступлением Нового времени на Западе зародился индивидуализм, ценности которого распространялись по мере модернизации традиционных обществ (*Castoriadis* 1975). Освобождаясь от религиозной гегемонии, современные общества становятся субъектами Истории: они стремятся к изменениям и учатся управлять собой во времени. На переднем плане этого обновления французская нация создает себя на определенной территории, требуя от своих “граждан”, чтобы они отказались от прежних коллективных членств ради восхождения к Разуму. Национальный проект имеет юридические истоки, а Права человека провозглашаются всеобщими. В других частях Европы интеллектуалы тоже начинают мечтать о политической автономии для своих сообществ. В Германии отсутствие государства вынуждает придумать сначала нацию: именно нация оказывается исходным пунктом, а существует она благодаря языку и культуре (*Kulturation*). Германская нация – из плоти и крови, не такая холодная и абстрактная, как французская, основанная на договоре. В Восточной Европе интеллектуалы противостоят двум старым империям. Они берут на вооружение немецкую модель, более эффективную в борьбе. После 1830 и 1848 гг. здесь возникают государства, построенные на базе этничности. Российское государство начинает испытывать беспокойство по поводу этнокультурного многообразия своего населения в связи с польскими восстаниями 1830 и 1863 гг.

С самого начала Россия расширялась “органически”, подобно Османской империи (Австро-Венгрия, сформировавшаяся поздно и, как следует из ее названия, из двух находившихся в стадии становления наций, представляет собой особый случай), и, в отличие от колониальных империй, возникших во второй половине XIX в. в результате открытия мира европейцами, до самого конца оставалась “традиционной”. Французская и Британская империи делились на метрополию и колонии, которые надлежало “цивилизовать”. В Российской империи не было метрополии, но было множество народов, живущих под властью царя – заместителя бога на земле. В конце XIX в. несколько попыток “русификации” усиливают центробежные тенденции. По мере того как экономическая модернизация ослабляла религиозность населения, национализм после революции 1905 года стал основным инструментом борьбы с аристократией. Усиливающиеся национальные движения нередко ополчались и друг против друга (татары и башкиры, поляки и белорусы...). Пока аристократия теряла свои силы, австрийские и российские марксисты спорили между собой о том, какое место следует отвести националистическим требованиям.

Тем временем во французской метрополии этнические различия стирались под ударами линейки учителей Третьей республики. Политический проект завершился успехом, когда бретонские дети, ставшие “французами”, встали на борьбу с Германией плечом к плечу с детьми Эльзаса. В Германии поражение в Первой мировой

войне и крах Веймарской республики готовили почву для прихода к власти Гитлера. А во владениях русского царя большевистская революция парадоксальным образом привела к сохранению многоэтничной империи. По окончании гражданской войны, в ходе которой большевикам пришлось прибегнуть к помощи нескольких национальных армий, они предоставили автономию народам, освобожденным из царской “тюрьмы”. Большевики наделили территорией основные национальности, создали алфавиты для бесписьменных языков и начали проводить в жизнь первые меры позитивной дискриминации². СССР продолжил развиваться, следуя имперской логике и опираясь на многоэтничную реальность³. Национальность стала одним из признаков идентичности человека: в паспортах появился знаменитый “пятый пункт”, позволявший отличить русского от татарина и назначить последнего на ответственный пост в Татарии. Списки национальностей варьировали от переписи к переписи в соответствии с требованиями момента. Эта политика национализации, весьма выгодная местным националистам, объяснялась уверенностью большевистских руководителей в скором “отмирании национального вопроса”. Ленин был убежден, что с наступлением коммунизма исчезнут все различия: не будет больше ни хозяев, ни работников, ни татар, ни русских... К сожалению, эта идеологическая подоплека полностью игнорируется западными исследователями национальной политики в СССР. Дело выглядит так, будто бы большевики создали национальности на пустом месте, а потому нет никакого смысла тратить время и силы на изучение длительной истории этих форм коллективного членства, из которых произошли современные народы.

Национальное пробуждение в СССР

Национальный вопрос активизируется в СССР в 1960-е годы. Этот процесс очень плохо изучен, хотя он имеет решающее значение. Восстановившись после войны, страна начинает быстро модернизироваться. Советское общество урбанизируется, основная часть населения больше не живет в деревнях — там, где категория национальности не имеет значения⁴. Люди переселяются в города, а развитие образования способствует формированию пространства личной свободы. Появляются зачатки гражданского общества, действующего, по выражению М. Левина, в самом сердце этатизма (*Lewin* 1989: 111). Постепенное вытеснение коммуналок отдельными квартирами в “хрущовках” способствует дрейфу ценностей в сторону индивидуализма.

Решающий фактор перемен — разоблачение культуры личности Сталина — разрушает веру в коммунизм и приводит к общему разочарованию в великих идеях. Упадок коммунистической идеологии ведет к подъему национализма: чем меньше люди верят в наступление коммунизма, тем больше они сомневаются в возможности стирания национальных различий. Происходит интериоризация национальных категорий. Теперь их активно используют не только элиты, но и масса новых горожан. Если в 1920-е годы только кучка интеллектуалов называла себя “украинцами” или “белорусами”, то отныне эту идентичность примеряет на себя целый слой городской молодежи, для которой коммунизм — пустой звук (даже если она продолжает играть по установленным правилам, участвуя, например, в первомайских демонстрациях). К тому же “национальные” языки не исчезли: хотя русский активно продвигается как язык межэтнического общения, другие языки “народов СССР” сохраняются. На них публикуются книги, журналы и газеты, выходят в эфир теле- и радиопередачи... Провозглашен принцип равенства языков: русский никогда не объявлялся государственным ни на союзном, ни на республиканском уровне. Многие советские люди двуязычны: они говорят по-русски в общественных местах и на своем “национальном” языке — дома. Вплоть до начала 1960-х годов сохраняется принцип образования на родном языке⁵. Однако для социальной мобильности необходимо владение русским, и родители все чаще

выбирают его в качестве языка обучения для своих детей. Молодой башкир, приехавший из деревни в город, стесняется своего акцента, когда говорит по-русски, он чувствует себя одиноким, оторванным от корней, не таким, как все — и ищет понимания и поддержки у других башкир.

По мере распространения высшего образования в каждой республике появляется огромное количество исследований, публикуемых местными учеными. Создаются национальные историографии: организуются археологические экспедиции (сначала археологами из Москвы, потом их коллегами на местах), издаются труды по национальной истории (знаменитые “Очерки...”, появляющиеся в начале 1960-х), открываются институты соответствующей направленности...

Это национальное пробуждение получает научное обоснование благодаря теории этноса, разработанной Юлианом Бромлеем, директором Института этнографии АН СССР с 1966 по 1989 г. Этнографы отныне должны не искать гипотетические общие корни (тюркские или иранские, например), а изучать этногенез каждого народа/этноса. Этноты, эти биолого-культурные организмы, имеют объективную основу и отличаются друг от друга. Каждый народ должен иметь собственную национальную историю, оправдывающую его права на территорию республики. Теория этноса, вписывающаяся в восточноевропейскую традицию понимания нации, наделяет каждую этническую группу чертами коллективного субъекта, призванного действовать от собственного имени. Этим предписанием воспользовались местные академические элиты: студенты-“националы”, получившие образование благодаря системе квот, восприняли буквально бромлеевскую гипотезу об “этническом самосознании”. Они выступили в роли нового авангарда, и в 1990-е именно они возглавили национальные движения.

Процессу национализации, начавшемуся в 1960-е, пошла на пользу стабильность республиканских властей в послехрущевскую эпоху. Долгие годы оставаясь у руля, местные партийные вожди будут осуществлять модернизацию (урбанизацию, индустриализацию): Джабар Расулов был первым секретарем Обкома Таджикистана с 1961 по 1982 г., Петр Машеров возглавлял Белоруссию с 1965 по 1980 г., Шараф Рашидов занимал высший пост в Узбекистане с 1959 по 1983 г., Мидхат Шакиров был первым секретарем в Башкирской автономной республике с 1969 по 1987 г. Этнический федерализм стал реальностью: укрепились местные и этнические автократии, руководители которых в общем и целом подчинялись приказам Москвы, одновременно сосредоточившись на развитии своих территорий (в 1970-е годы Машеров, выступая на белорусском языке, объяснил отказ от поставок мяса в Москву, где его не хватало, необходимостью кормить СВОЕ население). Процесс национализации заканчивается распадом последней в мировой истории империи. В конце 1980-х годов каждая союзная республика имела все атрибуты национального государства: границы, государственный аппарат, культуру... Советские нации превратились в самостоятельных творцов истории.

1960-е годы оказываются наиболее интересным периодом для понимания национального вопроса в СССР. Национальные (этнические) категории, созданные в 1920-е годы советским государством на основе этнических групп имперской эпохи, начиная с 1960-х годов были взяты на вооружение урбанизированным и образованным населением. Можно сказать, что люди, приписанные к определенной национальности на основании этнических критериев, начали осознавать себя членами нации, берущей свою судьбу в собственные руки. К сожалению, западные историки до сих пор не обращают должного внимания на этот период — несмотря на то, что доступ в архивы давно открыт. К тому же серьезное исследование этого временного промежутка могло бы позволить провести параллели с Западом, где именно в эти же годы происходили схожие процессы осознания идентичностей (региональных, гендерных, этнических...). Этот период чрезвычайно важен также для понимания дальнейших событий:

“белорусы” и “украинцы” появляются в среде городской молодежи в 1960-е, а уже при следующем поколении, в 1990-е, “Украина” и “Белоруссия” становятся независимыми. Основа у этой независимости, как и у остальных постсоветских стран, — этническая, и это ставит непростой вопрос перед руководством новых государств: кому предоставлять гражданство — в частности, в Латвии и Эстонии с их крупными русскоязычными меньшинствами.

Является ли сегодняшняя Российская Федерация государством-нацией? Нет, она одновременно и государство, и мозаика наций. В ее составе 21 национальная республика. Татарстан — республика татар, где живут также 1,5 млн русских, 116 тыс. чувашей и 23 тыс. удмуртов. В конце XIX в. в Российской империи этнические русские составляли 43% населения. После распада СССР они составляют 81% населения Российской Федерации (111 млн чел.), но более 160 нерусских этнических групп (национальностей), крупнейшая из которых — татары (5,3 млн чел., или 4%) (ВПН 2010), по-прежнему живут на этой территории-континенте. Мусульмане по культуре, татары считают себя татарами, а не русскими. Они говорят на своем языке и отмечают свои национальные праздники (*Le Torrivellec* 2010b: 205–239). Очевидная вещь, которую приходится напоминать старым членам гражданской нации, коими являемся мы, французы: Россия — это не страна русских. Здесь люди по-прежнему определяют себя в первую очередь по этнической принадлежности, они называют себя русскими или татарами, а не россиянами (термин, официально обозначающий все население страны без учета этнической принадлежности). Однако на французском языке невозможно отразить эту реальность: термин “россиянин” не переведен, и французы говорят о “русских” (*Russe*), смешивая два смысла — этнический и политический. Больше подошел бы термин *Russien*, использовавшийся наполеоновскими офицерами для обозначения подданных русского царя. В России люди не утратили связь со своими корнями, и их “национальные” языки все еще преподают в российских школах. Когда в 2017 г. Владимир Путин заявил о недопустимости заставлять всех детей, живущих в Татарстане, — даже тех, чьи родители русские, — учить татарский язык, в республике началась мощная кампания за сохранение обязательного преподавания татарского. Украинцы, живущие в Татарстане, поддерживают требования татар. Крымские татары, не идентифицирующие себя со своими поволжскими “кузенами”, выдвигают свои собственные требования. На постсоветском пространстве этническая идентичность преобладает над гражданской, поэтому большинство русскоязычных Украины считают себя русскими. Это факт. Вопрос может быть лишь о том, как долго это еще будет продолжаться. Возможно ли превратить постсоветские государства в государства-нации? Применительно к Украине разделение, в той или иной форме, кажется неизбежным. Способствует ли патриотический драйв, наблюдаемый на протяжении последних лет в России, реализации политического проекта создания государства-нации всех россиян (всех живущих в Российской Федерации)? Доля идентифицирующих себя как “россияне” постепенно растет, однако население страны состоит в большинстве своем из “политических атеистов” (используя удачное выражение Жана-Робера Равио) и отличается низким уровнем политического сознания, о чем свидетельствует, в частности, его слабое участие в протестах августа 2019 г. против фальсификаций на выборах.

Построение государства-нации осложняется и тем обстоятельством, что примордиалистский подход оказывается полезным. Благодаря ему этнические группы, хоть и подверженные неопределенности индивидуальных идентификаций, предстают как устойчивые общности. Это удобно в контексте геополитического соперничества, поскольку позволяет, например, раздавать паспорта тем, кого государство считает “своими”: Россия — русскоязычным в “ближнем зарубежье”, Польша — этническим полякам в соседних странах и т.п.⁶ В академических кругах примордиализм по-прежнему не сдает позиции. Критика, адресованная

в 1990-е годы русским этнологам их западными коллегами, не дала ожидаемых результатов. Даже “либеральный” директор Института этнологии и антропологии РАН Валерий Тишков, сам призывавший к эпистемологическому обновлению и много сделавший в этом направлении, не занял решительную позицию в вопросе об отмене фиксации этнической принадлежности в переписях (*Filippova* 2010). Это показывает, какое важное место концепт этничности занимает в мировоззрении российских коллег. В то же время их слабая заинтересованность в постколониальных и постмодернистских подходах объясняется отсутствием колониального прошлого в том виде, в каком оно есть у бывших метрополий.

Примордиалистские взгляды по-прежнему разделяет и значительное большинство населения. В советское время можно было быть “советским гражданином французской национальнойности”. Сегодня, чтобы объяснить невозможность представить себе “темнокожего француза”, россияне говорят о своем “менталитете”. Это еще один способ эссенциализировать культурные различия: “У нас не такой менталитет, как на Западе, которому мы поверили в 1990-х и который нас разочаровал своей неспособностью нас понять”. Пропагандистские речи раздаются с обеих сторон бывшего железного занавеса, и тема новой холодной войны расцвела пышным цветом⁷. Пока рано говорить о том, возымеет ли эффект призыв к интенсификации диалога с Россией, обращенный Эмманюэлем Макроном к послам Франции.

Конструирование конструктивизма

Во второй половине XIX в. европейцы, восприняв от Канта и Гегеля идею Прогресса и озаботившись ее распространением, затевают колониальную авантюру. Поздно объединившейся Германии, не уверенной в своих силах, не удастся построить колониальную империю. Гитлер предлагает решение, превосходящее своим размахом колониальный проект: он укрепляет представление о кровном единстве немецкой нации, чтобы возродить Священную римскую империю германцев⁸. Он надеется восстановить традиционное общество, используя современные средства. Движимая своими расистскими и евгеническими теориями, нацистская партия использовала государство для юридического закрепления естественных различий со всеми вытекающими отсюда последствиями... После ужасов нацизма цивилизованный мир решительно отбросил саму идею врожденных различий между людьми. Возникла необходимость преодолеть субстанциалистские заблуждения. Во Франции реакцией на травму, нанесенную расистской политикой режима Виши, стал запрет на этнические категоризации. Конструктивистский рефлекс можно понять как ответ на эксцессы эссенциализма, в которых повинен нацизм, считавшийся чистым порождением европейского модерна XX в. После Гитлера необходимо было утвердить мысль о том, что любое неравенство между расами или между полами – не более чем “конструкция”. Конструктивистский подход вырабатывался на основе философии Канта, феноменологической социологии, психологии развития и критической социологии. Его концептуализировали французские философы (Мишель Фуко, Жиль Делез, Жак Деррида), чьи теории питали левый постструктурализм и пользовались большой популярностью за рубежом (в первую очередь – в США). Делез ввел понятие *ризомы*: центра не существует, каждый элемент может влиять на любой другой и производить новые ответвления. Фуко искал не сущности, но очаги объединения, узлы тотализации, процессы субъективации, всегда относительные. По мнению Деррида, нет ни истины, ни сиюминутного присутствия. Человек находится в постоянном строительстве, в вечном становлении. Будучи не более чем различием, *разнесением* (*différance*), человек не является собой и не поддается никаким категоризациям. Мир в этой философии предстает разрушенным до основания. Надо забыть о претензиях социальных наук на обретение единственных значений,

а значит — и абсолютных истин. Время концептуализаций ушло, ему на смену пришло время узкоспециальных исследований. Деррида решительно нарушает законы рациональности, утверждая: “Не надо говорить, что разум бессилён... именно это бессилие конституирует разум” (*Derrida* 1967: 214). Его мишенью становится западная философия, производящая тоталитарные метанарративы. Конструктивизм — это этика: подрывная работа деконструкции направлена на то, чтобы отрешиться от иерархий и фундаментальных отношений, установленных классическими философами.

Понятие идентичности формируется в США в 1960-е годы и принимает конструктивистский и интеракционистский оттенок в работах Гофмана о стигме (*Goffman* 1975 [1963]), а также Бергера и Лукмана о социальном конструировании реальности (*Berger, Luckman* 1966). Идентичность — это конструкт, и следует помнить о важнейшей роли социальной категоризации: учреждения, используя статистические инструменты, производят маркировку и навешивают ярлыки, а люди в дальнейшем принимают эти навязанные сверху обозначения. Любые указания на природную сущность должны быть отброшены как детерминистские иллюзии, ведущие к жесткому закреплению идентичностей. Теоретики конструктивизма вскрывают манипуляции, с помощью которых были сконструированы такие феномены, как раса, пол, “этнии”, нации, культуры, социальные группы (*Hacking* 2008: 13–41). В западных университетах набирают вес *Gender Studies*. Понятие “идентичность” выходит за пределы чисто научного дискурса и появляется в политической повестке конца 1960-х. Первыми его берут на вооружение жертвы разных форм дискриминации (женщины, темнокожие, гомосексуалы) — как, например, активисты американского движения “Черные пантеры” (*Blacks Panthers*). Они превращают стигму в предмет гордости, иногда рискуя стать ее заложниками. Движение ускоряется по мере разрушения прежних рамок: семьи, региона, нации. Утверждение собственной идентичности помогает в поисках смысла жизни. Однако в это самое время угасают революционные надежды. На сцену выходят Новые философы (Андре Глюксман, Бернар-Анри Леви), подменившие Социализм Правами человека. Чуть позже и Франсуа Миттеран откажется от социалистического идеала в пользу идеала европейского. У прогрессивно мыслящих людей остается последний оплот — это Права человека. Идея естественных различий между людьми опорочена как “правая”, в то время как “левые” идеи отныне прочно укоренились в конструктивизме. В академических кругах прогрессивным считается постулат, согласно которому в человеческом существе нет ничего природного, естественного, что люди целиком определяются культурой и создают себя сами своей свободной волей. Мысль о пластичности человека и его свободном выборе возводится в ранг догмы. Все меняется от культуры к культуре, все определяется кодами, ограничениями и конструированием. Каждый может стать художником, даже если ему особенно нечего сказать: павильон Франции на Венецианской биеннале-2019⁹ посвящен “текущим сообществам”¹⁰.

Эра идентичностей открыла эпоху всевозможных требований. Пришедший из США термин *stigma-free* (свободный от стигмы) означает абсолютный приоритет права жертвы. Студентка на семинаре может воскликнуть: “Я не хочу обсуждать тему, я хочу поговорить о моих страданиях!”. Индивид обладает всей полнотой прав, в том числе правом забыть о том, что он живет в обществе и что именно общество гарантирует ему его свободу и независимость. Конструктивизм, объединившись с индивидуализмом, отлично вписывается в каноны неолиберализма. Утрата смысла в результате разрушения социальных ориентиров толкает человека в объятия общества потребления, где он надеется “Купить себе жизнь” (название книги З. Баумана [*Bauman* 2008]). Главным становится желание действующих лиц. Принятие “брака для всех” стерло один из последних общих ориентиров, теперь речь идет о разрешении искусственного оплодотворения всем женщинам, в том числе незамужним и лесбиянкам. Конструктивизм — это прогрессизм эпохи торжества индивидуальных прав.

Сохраняющиеся еще общеразделяемые культурные ценности обречены на “деконструкцию”. Процесс всеобщей десакрализации представляется неизбежным. С 2011 г. старшие школьники во Франции могут узнать из учебника по предмету “Науки о жизни и Земле”, что “женщинами не рождаются, ими становятся”. Усиливаются тенденции замены натурального искусственным, и трансгуманизм уже не кажется фантастикой.

В таком контексте “средний француз”, о котором позабыл прогрессизм, недоумевает. Со всех сторон ограниченный запретами – не курить, не пить, не есть мяса, не пользоваться автомобилем, не заигрывать с девушками – он надевает *желтый жилет*, чтобы его наконец заметили.

Конструктивистский подход предписывает также социально одобряемую реакцию на процессы иммиграции и интеграции. Полагая, что “чистой” идентичности не существует, а есть только связи, смешения и соединения культур, антрополог Ж.-Л. Амсель, питая свои размышления философией Делеза, считает, что процесс этнизации запирает индивидов в “географических и идентитарных гетто”. В качестве примера он приводит группы “иммигрантского происхождения”, в значительной мере реифицированные под эгидой “негритюда” или “арабо-исламизма” (Amselle 2011: 33–34). “Гибридность” считается наиболее подходящим понятием для анализа идентичностей, связанных с этничностью или сексуальностью. Этот концепт используется также в постколониальных исследованиях, зарождающихся в конце 1970-х годов в противовес колониальному дискурсу с его разделением мира на два противоположных полюса: метрополию, расположенную на Западе и самопровозгласившую себя “цивилизированной”, и третий мир, считающийся “примитивным” (Pfefferkorn, Sanchez 2015: 14). Постколониальные исследования предлагают взгляд на колониальный мир как на систему непрерывных взаимопроникновений, а не постоянного противостояния. Идентичность, рождающаяся в такой ситуации, отличается “культурной гибридностью”. Вкупе с разоблачениями вишистского и колониального прошлого Франции эта “метисная” философия оправдывает отказ от любых форм этнической статистики, даже если речь идет об измерении “разнообразия происхождения людей” для борьбы с дискриминацией. По мнению ассоциации “SOS-Расизм”, внедрение такой статистики приведет к “усилению расистских стереотипов”. Отрицание реальных проблем, поддерживаемое СМИ, питает страх “коренных французов” остаться беззащитными перед миграционными процессами.

Глобализация и конфликты идентичностей

После Второй мировой войны деколонизация совершалась под лозунгом права народов на самоопределение. Применяя его, европейцы не задумывались о том, что другие также могли использовать его в своих целях. Те, кто считали себя носителями универсального, были обречены на релятивизм. На Востоке в начале 1990-х под натиском центробежных националистических сил, зародившихся еще в 1960-е, рухнул СССР. Российская Федерация оказалась зажатой в допетровских границах и должна была, чтобы стать демократией, исполнить долг памяти в отношении советского прошлого и отказаться от этнического примордиализма. Этого требовала теория демократического перехода. Конфликты на Балканах укрепили убежденность европейцев в необходимости избавиться от этнического подхода. Открытие границ и архивов позволило по-новому взглянуть на историю СССР сквозь призму специфики его национального проекта: советские руководители якобы создали нации, наделяя территории и индивидов национальной принадлежностью, определяемой и гарантируемой государством. Одна за другой стали появляться работы, посвященные категоризации инородческого населения, в частности при помощи переписей, и участию этнографов в создании советской национальной политики. Эти публикации были вдохновлены текстами трех англосаксонских конструктивистов, появившимися в 1983 г.

и ставшими важным этапом в развитии социальных наук: это коллективный труд под редакцией Э. Хобсбаума и Т. Рэнджера “Изобретение традиций” (*Hobsbawm, Ranger* 1983), “Нации и национализм” Э. Геллнера (*Gellner* 1983) и “Воображаемые сообщества” Б. Андерсона (*Anderson* 1983). Названные авторы рассматривают нацию как плод сознательного конструирования, результатом которого становится появление идентичности, воплощенной в традициях и символах, устанавливающих преемственность с прошлым – которое они сами как раз и пытаются создать исходя из потребностей текущего момента (*Pfefferkorn, Sanchez* 2015: 13).

Вслед за новаторскими публикациями Ш. Фитцпатрик появились работы ее учеников: Ю. Слезкина (*Slezkine* 1994), утверждавшего, что большевики были националистами; Дж. Санборна (*Sanborn* 2002) о роли Красной армии в формировании советского человека и Ф. Хирш (*Hirsch* 2005) об этнографах. Т. Мартин, в свою очередь, сосредоточился на сознательной поддержке развития национальностей в СССР (*Martin* 2001). Во Франции эта тема была подхвачена Ж. Кадио (*Cadiot* 2007). Опираясь на предложенное Фуко понятие “технологии управления”, которое расширяет спектр инструментов обеспечения общественного порядка (научная среда, администрации и т.п.), Кадио демонстрирует, в частности, какую роль играли переписи в категоризации населения СССР. Ее прекрасно фундированные работы основаны исключительно на архивных документах и ограничиваются советским и отчасти позднеимперским периодом, но не учитывают долгую историю “Мультиэтнической Российской империи” (название блестящей работы А. Капплера [*Kappeler* 1994]). Акцент делается на государственной машине, управляющей социальными группами, созданными на пустом месте (будь то “кулаки” или “татары”) и затем репрессированными. Представления самих действующих лиц намеренно не рассматриваются: автор не ставит перед собой задачу проанализировать реакции советских людей на систематические усилия государства по определению их национальной принадлежности. Речь идет лишь о деконструкции способов категоризации. Таким образом, исследователь как бы ставит себя выше тех, кого он изучает. Он лучше них знает, что означают их действия. Проводя свою жизнь в архивах, историк имеет доступ к материалам, не известным простым смертным. Его интеллектуальный подвиг состоит в деконструкции – не того, что думают люди, а того, каким образом их заставили так думать. Он должен выявить скрытые источники социальной реальности. Ему незачем тратить время на работу в поле и разговоры с людьми: ведь реальность все равно сконструирована. Смысл бесполезно искать в словах действующих лиц, он может быть обнаружен только экспертом в области означаемого. Ученый демонстрирует свою способность раскрывать невидимую социальность, и его не интересуют действия или аргументы живых людей. Такое поведение типично для многих исследователей идентичности: в соответствии с воззрениями Фуко и Деррида, идентичности гибричны. Неуловимые и сфабрикованные, они не соответствуют никакой осязаемой реальности. И если люди в них верят, то это значит, что они ошибаются. Ученый может запросто отмахнуться от того смысла, который человек вкладывает в свою идентичность. Во время проведения всероссийской переписи 2002 г. мало исследований было посвящено тому, что чувствует местное население. В основном речь шла о технике этнической классификации и ее политической подоплеке. Недостаток такого подхода состоит в переоценке влияния категоризации на формирование групп и их идентичности. Еще одним недостатком является невнимание к представлениям людей и недооценка их способности рассуждать и делать выбор.

Украинский кризис продемонстрировал провал западной экспертизы по вопросам идентичности в СССР и постсоветской России. Поспешив разоблачить примордиализм, не пытаясь объяснить его, конструктивистский подход показал свою ограниченность. Конечно, полезно понимать, как именно большевики конструировали этничность. Но игнорирование всей предшествующей истории и общественных

представлений можно объяснить либо ленью, либо недалевидностью. Деконструкция превращается в демонстрацию своего превосходства, заключающегося в способности развеивать иллюзии, которыми люди еще дорожат. Такой подход можно объяснить тем, что изучением СССР и России во Франции занимаются в основном специалисты по социальной истории, которая интересуется формами политического сопротивления, не уделяя достаточного внимания интеллектуальной истории, т.е. коллективным представлениям и идеологическим ориентирам. Во Франции конструктивизм господствует в общественных науках с 1970-х годов, и выйти за рамки этой парадигмы непросто. Это связано в том числе с внутренними особенностями академической жизни. Чтобы получить место исследователя или средства на реализацию своего проекта, лучше, чтобы этот проект соответствовал преобладающим гносеологическим постулатам. Модные сюжеты (история Гулага, экологические проблемы, положение сексуальных меньшинств) в целом изучаются достаточно профессионально. Проблема в том, что эти узкоспециализированные темы обсуждаются в кругу своих и не ведут ни к каким прорывам в интерпретации. Такое впечатление, что в дебатах по существу и попытках концептуализации никто не заинтересован. Ведь это могло бы поставить под сомнение господствующие парадигмы, позволяющие публиковать труды, читаемые и рецензируемые только коллегами.

* * *

Нежеланием принимать во внимание представления местного населения отчасти объясняется украинский кризис. В цепи событий, приведших к сползанию в конфликт, велика ответственность европейских элит. Для большинства россиян гражданин Украины, говорящий по-русски, — это русский. Тем более что он живет на территории, где зародилась древняя Киевская Русь. Россияне восприняли предложение, сделанное европейцами Украине, — выбирать между Россией и ЕС — как удар по собственной идентичности, а не только как геополитическую угрозу, связанную с опасениями увидеть НАТО вплотную у своих границ. Европейский проект основывался на идее (с юридической точки зрения неопровержимой), что население Украины — это граждане Украины, лишённые каких-либо этнических привязанностей. Однако русскоязычные жители Донбасса имеют веские причины считать себя русскими: они говорят по-русски и мечтают вернуть себе то привилегированное положение, в котором находились шахтеры в советское время. В 1990-е годы Украине уже пришлось противостоять сепаратизму Донбасса. Сегодня, когда президент Франции Эммануэль Макрон возобновляет диалог с Москвой, готов ли Владимир Путин отказаться от требования политической автономии, которую Владимир Зеленский никогда не согласится предоставить Донбассу? Сможет ли российский президент удовлетвориться законодательной гарантией культурной автономии региона (который хочет, чтобы русский язык имел здесь статус официального)?

Наблюдая украинскую катастрофу, мы спрашиваем себя: почему здесь не были организованы серьезные полевые исследования? Почему не были изучены сложные переплетения идентичности населения Донбасса и иных территорий, в формировании которой участвуют этническая принадлежность, место жительства, языковые практики, политические убеждения? Постсоветские государства представляют собой пространство неоднозначности, неопределенности идентичности и избытия синкретизма. Кому не приходилось слушать долгими ночами в поезде путаные истории бывших советских людей, родившихся в одном месте, живших в другом и создавших семейный очаг в третьем? Эта гибридность ускользает от внимания ученых, углубившихся в изучение архивных документов. А ведь для того, чтобы хоть немного понять страну, нужно как минимум интересоваться ее культурой и принимать всерьез представления ее жителей. А главное — признать, что надменность

узкоспециализированного исследователя становится все большим анахронизмом. Так же, как прогрессистская философия отказывается принимать во внимание культурную незащищенность простого народа, конструктивизм не хочет брать в расчет представления, преобладающие в других странах.

В этих условиях неизбежно увеличивается разрыв между элитой с ее верой в то, что будущее — за смещением и индивидуальными правами, и народом, боящимся утратить свою идентичность, т.е. общеразделяемые смыслы, позволяющие индивидам чувствовать свою принадлежность к группе. Как очень удачно выразился один из *желтых жилетов*, пропасть разделяет тех, кто может позволить себе беспокоиться о конце света, — и тех, кто думает лишь о том, как дотянуть до конца месяца. Исследователи должны быть в первых рядах сопротивления гипнозу прогрессизма, поскольку общества теряют уверенность в себе. В более широком смысле это ставит вопрос об ответственности ученых как принадлежащих к “элите”.

Для многих на Западе негодование стало привычной формой суждения, многие готовы возмущаться по поводу любого нарушения Прав человека. Это чувство морального превосходства заставляет их ухмыляться при виде Бессмертного полка: это не тысячи россиян, несущих портреты своих предков, погибших в борьбе с Гитлером, а жертвы манипуляции российского диктатора. Западная экспертиза провалилась в том числе потому, что она политизирована: тех, кто не признает права *Pussy Riot* устраивать представление в храме Христа Спасителя, обвиняют в том, что они — агенты Кремля. Пришло время отбросить свое высокомерие и услышать, что россияне хотят нам сказать. Ведь если элиты не способны указать путь, то, как и во времена Марка Блока, именно на них в первую очередь ляжет ответственность за катастрофу.

Примечания

¹ “Дипломат должен принимать во внимание то, *что* в подходах наших партнеров коренится глубоко в истории, культуре, а также политической необходимости, отличных от наших собственных” (*Le Drian* 2018).

² Башкирский язык, например, был создан на базе южного диалекта, дабы отличить его от татарского. См. об этом подробнее: *Le Torrivellec* 2000.

³ В конце 1920-х годов только в РСФСР насчитывалось 2930 национальных сельсоветов. В 1934 г. каждый десятый район и каждый двенадцатый сельсовет имели статус “национального” (*Vichnevski* 2000: 379).

⁴ Вплоть до 1974 г. у сельских жителей не было паспортов, а переписные анкеты нередко заполнялись работниками сельсоветов.

⁵ На XXII съезде КПСС (17–31 мая 1961 г.) вновь было заявлено, что “партия и впредь будет обеспечивать свободное развитие языков народов СССР, не допуская никаких ограничений, привилегий и принуждения в употреблении того или иного языка. Каждый гражданин СССР пользуется и будет пользоваться полной свободой обучать своих детей на любом языке” (*Le Torrivellec* 2010a: 229–254).

⁶ С 2007 г. Польша предоставляет Карту поляка всем желающим, которые могут подтвердить свои польские корни.

⁷ О чем в очередной раз напомнили комментарии по поводу электорального успеха партии “Альтернатива для Германии” в восточных землях в сентябре 2019 г., хотя более вероятным объяснением итогов голосования представляется страх перед снижением социального статуса.

⁸ “Где бы ни находилась германская кровь в мире, мы заберем лучшее себе. С тем, что у них останется, другие будут неспособны противостоять германской Империи” (*Fest* 1973: 684).

⁹ Речь идет об иммерсивной инсталляции *Deep See Blue Surrounding You* художницы Лор Пуруо, которая “выстроила целый подводный мир из муранского стекла, скульптур, видеопроекций и прочих мультимедийных приемов” (Арт-биеннале в Венеции: 7 самых впечатляющих проектов. <https://www.interior.ru/art/6285-art-biennale-v-venetsii-7-samykh-vpechatlyayushchikh-proektov.html> — *Прим. пер.*).

¹⁰ Согласно Зигмунту Бауману, в современном “текущем обществе” индивид стал основной реперной точкой, а потому во главу угла надлежит поставить свободу и независимость: свободу нравов, свободу разрывать стесняющие нас социальные связи, свободу утверждать иные, новые ценности... Полная дерегуляция, приватизация и относительность норм порождают у людей экзистенциальную тревогу. Есть причины задуматься об опасности новой аномии.

Пер. с фр. Е.И. Филипповой

Источники и материалы

ВПН 2010 г. — Численность и размещение населения. Т. 1 // Всероссийская перепись населения 2010 г. http://www.perepis-2010.ru/results_of_the_census/results-inform.php
Le Drian J.-Y. 2018 — *Le Drian J.-Y.* Discours de clôture. Conférence des ambassadeurs et des ambassadrices. Paris, le 29 août 2018.

Научная литература

- Amselle J.-L.* L'ethnisation de la France. P.: Nouvelles éditions Lignes, 2011.
Anderson B. 1983. Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. L.: Verso.
Bauman Z. S'acheter une vie. Arles: Actes Sud, 2008.
Berger P.L., Luckmann T. The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge. Garden City: Anchor Books, 1966.
Cadiot J. Le laboratoire impérial, Russie/URSS, 1860–1940. P.: Éditions du CNRS, 2007.
Castoriadis C. L'institution imaginaire de la société. P.: Seuil, 1975.
Derrida J. De la Grammatologie. P.: Minuit, 1967.
Fest J.C. Hitler: Eine Biographie. Berlin: Propyläen Verlag Ullstein, 1973.
Filippova E. De l'ethnographie à l'ethnologie: changer de nom ou changer de paradigme? L'école russe d'ethnologie, 1989–2008 // L'Homme. 2010. n° 194. P. 41–56. <https://doi.org/10.4000/lhomme.22366>
Gellner E. Nations and Nationalism. Ithaca: Cornell University Press, 1983.
Goffman E. Stigmate. Les usages sociaux des handicaps. P.: Éditions de Minuit, 1975 [1963].
Hacking I. Entre science et réalité. La construction sociale de quoi? P.: La Découverte, 2008.
Hirsch F. Empire of Nations, Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union. Ithaca: Cornell University Press, 2005.
Hobsbawm E., Ranger T. (eds). The Invention of Tradition. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. <https://doi.org/10.1017/CBO9781107295636>
Kappeler A. La Russie, Empire multiethnique. P.: Institut d'Études slaves, 1994.
Le Torrivellec X. Entre steppes et stèles. Territoires et identités au Bachkortostan // Cahiers du monde russe. 2000. 41/2–3. <https://doi.org/10.4000/monderusse.52>
Le Torrivellec X. La langue des enfants soviétiques: langues, éducation et société en Volga-Oural (de 1938 aux années 1960) // Cacophonies d'empire: le gouvernement des langues dans l'Empire russe et l'Union soviétique / Eds. J. Cadiot, D. Arel, L. Zakharova. P.: Éditions du CNRS, 2010a. P. 229–254.
Le Torrivellec X. Croyants et communistes au tir à la corde : religions, idéologie et tradition festive du saban tuj en Volga-Oural (XIXe – XXIe siècles) // Slavica Occitania. 2010b. n° 29: La religion de l'Autre : réactions et interactions entre religions dans une Russie multiconfessionnelle. P. 205–239.
Le Torrivellec X. Des nomades aux monades: patriotisme, citoyenneté et sous-idéologies nationales dans une Russie multiethnique // Hérodote. 2012. n° 146–147: La géopolitique des géopolitiques. P. 159–182. <https://doi.org/10.3917/her.146.0159>
Le Torrivellec X. 1917–2017: où va la Russie ? Une puissance eurasiennne dans un monde nouveau // Hérodote. 2017. n° 166–167: La Russie: 1917–2017. P. 81–97. <https://doi.org/10.3917/her.166.0081>
Lewin M. La grande mutation soviétique. P.: La découverte, 1989.
Martin T. The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939. Ithaca: Cornell University Press, 2001.
Pfefferkorn R., Sanchez J.-N. La fabrique des imaginaires nationaux, introduction // Raison présente. 2015. n° 193. P. 13–17. <https://doi.org/10.3917/rpre.193.0013>

- Radvanyi J., Laruelle M.* La Russie entre peurs et défis. P.: Armand Colin, 2016.
- Sanborn J.A.* Drafting the Russian Nation: Military Conscription, Total War, and Mass Politics, 1905–1925. DeKalb: Northern Illinois University Press, 2002.
- Slezkine Y.* The USSR as a Communal Apartment, or How a Socialist State Promoted Ethnic Particularism // *Slavic Review*. 1994. Vol. 53 (2). P. 414–452.
- Vichnevski A.* La faucille et le rouble, La modernisation conservatrice en URSS. P.: Gallimard, 2000.

Research Article

Le Torrivellec, X. Deconstructing Constructivism in Order to Understand Russia [Dekonstruirovat' konstruktivizm, chtoby poniat' Rossiuu]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2020, no. 2, pp. 138–152. <https://doi.org/10.31857/S086954150009607-7> ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Xavier Le Torrivellec | <https://orcid.org/0000-0002-7010-744X> | xavier.le-torrivellec@diplomatie.gouv.fr | Embassy of France in Belarus (11 Svobody Square, Minsk, 220030, Belarus)

Keywords

Russia, France, primordialism, constructivism, nationalism, identity, ethnicity, globalization, elites, populism, individualism

Abstract

The article examines the factors that often make French and other Western scholars misunderstand the meaning and position of *ethnicity* in academic and social discourses in Russia and post-Soviet states. There are historical reasons for this misunderstanding as well as more recent ones having to do with the general reassessment of values that has been under way. National elites are desperately trying to snatch at anything that would set them apart from others. Thus, in France, the language of human rights is becoming a new ideology; while in Russia, it is the language of patriotism colored in imperial tones. Today, when we are facing the dire need to arrive at a common understanding of causes and expressions of social and geopolitical conflicts, it is crucial that we attempt to inquire into the reasons for different approaches to otherness that exist in the frameworks of primordial and constructivist paradigms in Eastern and Western Europe.

References

- Amselle, J.-L. 2011. *L'ethnisation de la France* [Ethnicization of France]. Paris: Nouvelles éditions Lignes.
- Anderson, B. 1983. *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. London: Verso.
- Bauman, Z. 2008. *S'acheter une vie* [Consuming Life]. Arles: Actes Sud.
- Berger, P.L., and T. Luckmann. 1966. *The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge*. Garden City: Anchor Books.
- Cadiot, J. 2007. *Le laboratoire impérial, Russie/URSS, 1860–1940* [The Imperial Laboratory, Russia/USSR, 1860–1940]. Paris: Éditions du CNRS.
- Castoriadis, C. 1975. *L'institution imaginaire de la société* [The Imaginary Institution of Society]. Paris: Seuil.
- Derrida, J. 1967. *De la Grammatologie* [Of Grammatology]. Paris: Minuit.
- Fest, J.C. 1973. *Hitler: Eine Biographie* [Hitler]. Berlin: Propyläen Verlag Ullstein.
- Filippova, E. 2010. De l'ethnographie à l'ethnologie: changer de nom ou changer de paradigme? L'école russe d'ethnologie, 1989–2008 [From Ethnography to Ethnology: A Change of Name or a Change of Paradigm? The Russian School of Ethnology, 1989–2008]. *L'Homme* 194: 41–56. <https://doi.org/10.4000/lhomme.22366>
- Gellner, E. 1983. *Nations and Nationalism*. Ithaca: Cornell University Press.

- Goffman, E. (1963) 1975. *Stigmate. Les usages sociaux des handicaps* [Stigma: Notes on the Management of the Spoiled Identity]. Paris: Éditions de Minuit.
- Hacking, I. 2008. *Entre science et réalité. La construction sociale de quoi?* [The Social Construction of What?]. Paris: La Découverte.
- Hirsch, F. 2005. *Empire of Nations, Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union*. Ithaca: Cornell University Press.
- Hobsbawm, E., and T. Ranger, eds. 2012. *The Invention of Tradition*. Cambridge: Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CBO9781107295636>
- Kappeler, A. 1994. *La Russie, Empire multiethnique* [The Russian Empire: A Multi-Ethnic History]. Paris: Institut d'Études slaves.
- Le Torrivellec, X. 2000. Entre steppes et stèles. Territoires et identités au Bachkortostan [Between Steppes and Stelas: Territories and Cultural Identities in Bashkortostan]. *Cahiers du monde russe* 41/2–3. <https://doi.org/10.4000/monderusse.52>
- Le Torrivellec, X. 2010. Croyants et communistes au tir à la corde : religions, idéologie et tradition festive du saban tuj en Volga-Oural (XIXe – XXIe siècles) [Believers and Communists Confronting: Religions, Ideology and Festive Traditions of Saban Tuj in Volga-Urals Region, 19th – 20th Centuries]. *Slavica Occitania* 29: 205–239.
- Le Torrivellec, X. 2010. La langue des enfants soviétiques: langues, éducation et société en Volga-Oural (de 1938 aux années 1960) [The Language of Soviet Children: Language, Education and Society in the Volga-Ural Region (from 1938 to the 1960s)]. In *Cacophonies d'empire: le gouvernement des langues dans l'Empire russe et l'Union soviétique* [Empireal Cacophonies: The Languages Management in the Russian Empire and the Soviet Union], edited by J. Cadiot, D. Arel, and L. Zakharova, 229–254. Paris: Éditions du CNRS.
- Le Torrivellec, X. 2012. Des nomades aux monades: patriotisme, citoyenneté et sous-idéologies nationales dans une Russie multiethnique [From Nomads to Monads: Patriotism, Citizenship, and National Ideologies in Multiethnic Russia]. *Hérodote* 146–147: 159–182. <https://doi.org/10.3917/her.146.0159>
- Le Torrivellec, X. 2017. 1917–2017: où va la Russie? Une puissance eurasiennne dans un monde nouveau [A Century on from 1917: Russia as a Eurasian Power in a New World]. *Hérodote* 166–167: 81–97. <https://doi.org/10.3917/her.166.0081>
- Lewin, M. 1989. *La grande mutation soviétique*. Paris: La découverte.
- Martin, T. 2001. *The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939*. Ithaca: Cornell University Press.
- Pfefferkorn, R., and J.-N. Sanchez. 2015. La fabrique des imaginaires nationaux, introduction [The Making of National Imaginations, Introduction]. *Raison présente* 193: 13–17. <https://doi.org/10.3917/rpre.193.0013>
- Radvanyi, J., and M. Laruelle. 2016. *La Russie entre peurs et défis* [Russia between Fears and Challenges], Paris: Armand Colin.
- Sanborn J.A. 2002. *Drafting the Russian Nation: Military Conscription, Total War, and Mass Politics, 1905–1925*. DeKalb: Northern Illinois University Press.
- Slezkine, Y. 1994. The USSR as a Communal Apartment, or How a Socialist State Promoted Ethnic Particularism. *Slavic Review* 53 (2): 414–452.
- Vichnevski, A. 2000. *La faucille et le rouble, La modernisation conservatrice en URSS* [The Sickle and the Ruble, Conservative Modernization in the USSR]. Paris: Gallimard.